

Увидев, что второй сын внезапно вернулся домой, отец Е немного смягчился, однако голос его всё равно прозвучал сурово:

— Линьгэ, что всё это значит?

Линьгэ сделал шаг вперёд и, склонившись перед родителем в глубоком почтительном поклоне, представил спутника:

— Это Мутянь-чжэньжэнь.

Стоило этому имени прозвучать, как все присутствующие, включая главу семейства, словно стали ниже ростом. На незваного гостя устремились взгляды, полные невольного трепета и почтения.

Слава Мутянь-чжэньжэня гремела повсюду. О нём говорили как о заклинателе, чей авторитет вскоре позволит ему встать в один ряд с десятью великими почтенными. Однако истинную любовь народа он снискал благодаря мастерству целителя — среди простых людей его имя стало легендой, и каждый почитал за честь хотя бы мимолётное знакомство с ним.

Е Линьфэн замер, не сводя глаз с незнакомца. В его душе смешались любопытство и смутная тревога. Согласно «Божественной книге», Мутянь-чжэньжэнь действительно вскоре должен был занять место среди десяти великих почтенных. И хотя он не отличался воинскими талантами, победить его было почти невозможно.

Причина крылась не только в его искусстве врачевания, позволявшем безошибочно видеть слабые места и смертельные точки любого противника. Мутянь-чжэньжэнь в совершенстве владел техниками защиты и самоисцеления. Ранить его или заставить отступить было несложно, но убить — невыносимо. Он напоминал истинного бессмертного, обладающего бесконечным множеством жизней, и, что ещё страшнее, он от рождения был лишён чувства боли. Когда другие в страхе отпрянули бы или потеряли сознание от мук, Мутянь оставался пугающе трезвым, спокойным и стремительным.

Линьфэн и представить не мог, что встретит его сегодня, здесь, в поместье Е. И уж тем более он не понимал, почему этот великий человек первым делом обратился именно к нему.

Черты лица Мутяня были безупречны. В его облике сквозила та мягкая, беззащитная красота, которая мгновенно располагает к себе и заставляет расслабиться. Тонкие брови вразлёт, выразительные веки, глубокая чернота зрачков... Он едва заметно и ласково улыбался. Любой, кто встречался с ним взглядом, невольно терял бдительность, проникаясь к нему безотчётным доверием.

Однако чем сильнее было это искушение, тем больше напрягался Линьфэн.

— Я Е Линьфэн. Вы... Мутянь-чжэньжэнь? Почему вы ищете меня?

Он бросил короткий взгляд на брата, который уже о чём-то вполголоса беседовал с отцом. Линьфэна терзали сомнения: неужели Линьгэ знаком с этим кудесником? В «Божественной книге» об этом не было ни слова.

Заметив его замешательство, Мутянь ответил тихим, вкрадчивым голосом:

— Линьгэ сам отыскал меня. Он сказал, что его старший брат попал в беду, и попросил о помощи.

Значит, всё-таки Линьгэ? Получается, он скрылся на полдня вовсе не из-за обиды, а чтобы привести подмогу?

Голос Мутянь-чжэньжэня завораживал — низкий, бархатистый, он напоминал звучание старинной флейты. Словно боясь спугнуть юношу, целитель медленно протянул руку:

— Позволь мне проверить твой пульс. Ты выглядишь неважно.

Отказать такому человеку было невозможно. Под этим пристальным и мягким взглядом Линьфэн почувствовал, как по телу разливается странный жар. К нему относились как к хрупкому больному, требующему нежной заботы — совсем как к ребёнку, хотя Мутянь был гораздо старше.

«Раз он один из будущих десяти великих почтенных, мне всё равно придётся наладить с ним связь», — убеждал себя Линьфэн, засучивая рукав и подставляя запястье.

Пальцы Мутяня оказались горячими. Одной рукой он бережно поддерживал кисть Линьфэна, а другой коснулся точек пульса. Его лицо тут же сделалось предельно сосредоточенным. Между бровей пролегла морщинка — в этом жесте читалась искренняя тревога и даже тень сострадания. Наконец, тяжело вздохнув, он отпустил руку юноши.

— Как же так... — прошептал Мутянь, словно обращаясь к самому себе. — Тело истинного заклинателя, но море ци опасно обмелело. Духовная энергия истощена, а внутри затаились два потока яростной, чуждой демонической ауры. Они враждуют между собой, удерживая лишь шаткое, пугающее равновесие. Кроме того, я вижу признаки отравления. Яд укоренился в самом сердце, но его истоки скрыты гораздо глубже...

Линьфэн похолодел. Всё, через что он прошёл за последние дни, Мутянь-чжэньжэнь разгадал в одно мгновение.

— Позволь мне заглянуть в твоё сознание. Пожалуйста, расслабься.

Тем временем Линьгэ всюду убеждал отца, что брат не виноват, что его оговорили и запутали злые люди. Видя, что гнев родителя понемногу стихает, младший брат, пользуясь присутствием Мутяня, вежливо спровадил всех незваных гостей, пришедших требовать ответа, сославшись на тяжёлое состояние Линьфэна.

Когда Линьфэн поднял глаза, комната почти опустела — остались лишь домочадцы и целитель. Внезапный испуг прошёл его насквозь. Он резко посмотрел на Мутяня, осознав правду лишь мгновение спустя:

— Вы... вы заблокировали мои чувства?

Если бы не это, разве мог бы он оставаться в неведении, пока Линьгэ договаривался с отцом? Все его планы по разрыву связей с семьёй Е, все усилия, направленные на то, чтобы этот «переселенец» не получил от клана ни гроша, могли пойти прахом из-за этого случайного вмешательства!

Мутянь посмотрел на него с кротким сочувствием:

— Я лишь хотел, чтобы ты успокоился. У меня и в мыслях не было обижать тебя. Не сердись, хорошо?

Линьфэн осекся. Он хотел было возразить, но слова застряли в горле. Как можно было злиться на такую обезоруживающую мягкость? Всё это казалось странным...

Его словно баюкали словами, как дитя.

От этой мысли по коже Линьфэна пробежали мурашки. Он сухо кашлянул и отвёл взгляд, позволяя Мутяню прижать кончики пальцев к своему лбу, чтобы тот мог исследовать глубины его духовного моря.

На этот раз проверка затянулась. Для лекаря калибра Мутянь-чжэньжэня это было дурным знаком: чем дольше длится осмотр, тем опаснее диагноз.

Казалось, каждое мгновение растягивается в вечность. Линьгэ, затаив дыхание, сжимал кулаки от волнения. Даже отец Е, только что готовый отречься от сына, хранил молчание, боясь помешать великому мастеру.

Сам же Линьфэн, вопреки ожиданиям, выглядел совершенно спокойным, будто всё происходящее его не касалось. Его мысли уже витали далеко — он лихорадочно вспоминал всё, что было написано в «Божественной книге» о Мутяне, пытаясь найти способ подобраться к нему поближе.

Ведь Мутянь только казался кротким и доступным. На деле же, как гласила книга, он держал

всех на расстоянии вытянутой руки, оставаясь для мира вечной загадкой. И виной всему была его неспособность чувствовать боль.

Линьфэн посмотрел на Мутяня в упор. С такого расстояния его лицо казалось ещё более благообразным. В нём сквозило нечто... отеческое. Как в идеальном образе старшего из рода, который будет любить тебя беззаветно и преданно, если бы такой вообще существовал.

Этот лик был создан, чтобы искушать. Он пробуждал желание выплеснуть всю свою боль, разрыдаться и жаловаться на каждую рану, лишь бы получить ещё каплю этого тепла и заботы.

Линьфэн прикрыл глаза, заставляя себя прийти в чувство. Возможно, последние потрясения слишком измотали его, раз он так легко поддался этой фальшивой нежности.

Если книга не лгала, Мутянь-чжэньжэнь лишь носил маску добродетели, искусно выточенную годами. Настоящего Мутяня под ней не было.

Когда он снова открыл глаза, его взгляд встретился с бездонным взглядом целителя. Мутянь смотрел на него не мигая, и эта чернота напоминала застоявшуюся воду в глубоком колодце.

— Больно?

Голос прозвучал как тихий ночной шепот, убаюкивающий ребёнка. Мутянь задал вопрос почти с искушением, медленно убирая руку от его лба.

Линьфэн судорожно вдохнул. Он вдруг с ужасом осознал, что духовные силы, которыми он сдерживал действие снадобий, исчерпаны до самого дна.

Это был его последний козырь. Вернувшись в поместье Е, он из последних сил подавлял магию лекарств, скрывая те «красивые» отметины, что оставил на его теле Почтенный Янькун. Он берёт этот позор на крайний случай: если отец не согласится разорвать с ним узы по-хорошему, он собирался выставить своё бесчестье на всеобщее обозрение, показав всем «иную сторону» своей жизни.

Он долго копил это напряжение, выжидая момента, чтобы обрушить его разом, лишить отца остатков рассудка и заставить совершить то, о чём нельзя будет пожалеть.

Одного лишь «непотребного» вида и дурной славы было мало. Статус «подстилки» Бессмертного господина в демонической маске, обвинения в торговле собой ради славы и гнева всех вельмож города Хуафу — всего этого могло не хватить, чтобы разрушить родственную привязанность. Но если сложить всё воедино в один день...

Семья Е ценила репутацию, но по-своему дорожила старшим сыном. Точнее тем, что он мог принести клану.

Линьфэн внутренне содрогнулся. Он был готов «сбросить маску» по своей воле, но не ожидал, что это случится так — из-за того, что его море ци опустело во время осмотра. Мутяньчжэньжэнь выпил остатки его сил гораздо быстрее, чем он рассчитывал.

И в тот самый миг, когда его защита рухнула, Мутянь ласково спросил: «Больно?»

Человек, который не знал, что такое боль, после осмотра его измученного сознания первым делом спросил именно об этом.

<http://bllate.org/book/17497/1714127>